

Какъ завела-было себѣ Лиса бычка-третьячка.

Раскусила Лиса Колобокъ, весь мякишъ изъ середины у него выѣла; въ середину грязи наложила, корочки слѣпила, и бѣжить. — Колобокъ, точно цѣлый, въ зубахъ держитъ. Прибѣжала въ поле, гдѣ ребятишки бычковъ пасли, и говоритъ «Пастушки, пастушки, дайте мнѣ бычка-третьячка *), а я вамъ за то Колобочекъ дамъ. Пастухи согласились. «Только, — говоритъ имъ Лиса, — вы смотрите, не ѣшьте Колобка, пока я до лѣсу не дойду, а то въ Колобкѣ вмѣсто мякишка одна грязь будетъ.» Взяла Лиса бычка, украла гдѣ-то по дорогѣ санки съ упряжью, запрягла бычка въ санки, — и ѣдетъ по лѣсу барыней.

Попадается ей навстрѣчу Волкъ. «Здорово, кума!» — «Здравствуй, Евстифейка!» — «Гдѣ это ты, кума, санки взяла?» — «Сама сдѣлала.» — «Ишь, барыней какой ѣдешь; подвезла-бы меня.» — «Нельзя.» — «Мнѣ, кумушка, хоть одну ножку положить.» — «Ну, одну можно». Волкъ положилъ одну ногу, а какъ отъѣхали немножко, сталъ просить, чтобы позволила ему Лиса и другую ногу положить. — «Нельзя, Евстифейка: ты мнѣ санки ломаешь.» — «Ничего, кума, не бойся», — и положилъ другую ногу. Ёдутъ, ёдутъ — вдругъ что-то въ санкахъ у Лисы хрустнуло. «Видишь,

*) Трехгодовалого

кумъ, санки трещать.»—«Нѣтъ, кума, это я орѣшекъ раскусилъ; да чего ты боишься, позволь совсѣмъ въ санки сѣсть.»—«Ну, что съ тобой дѣлать, садись; только хотѣ хвостѣшка своего, полѣна, не клади.»—«Хорошо, Лисынька, не положу.»—Еще немного отѣхали—опять сани затрещали. «Охъ, батюшки,—кричить Лиса,—совсѣмъ сломаешь ты мои санки!»—«Да нѣтъ, кума, это я орѣшекъ раскусилъ.»—«Ишь ты какой: самъ ѣшь, а мнѣ не даешь.»—«Я бы далъ да больше нѣту,»—говоритъ Волкъ, а самъ проситъ, чтобы пустила Лиса и хвостъ на санки положить. Только положилъ Волкъ хвостъ въ санки,—онѣ и развалились.

Разсердилась Лиса на Волка—страхъ, такъ къ мордѣ и лѣзетъ, а какъ отлегло отъ сердца, приказала ему идти и нарубить деревьевъ, чтобы новыя санки сдѣлать. «Только,—говоритъ,—ты, дуракъ, смотри: какъ будешь рубить, говори: рубися дерево и прямое и кривое!»—«Хорошо, Лисынька». А самъ, какъ отошелъ, рубить да приговариваетъ:—«Рубися дерево все прямое да прямое». Нарубилъ и принесть. Увидала Лисичка, что дерево не такое, какое нужно. «Эхъ,—говоритъ,—дуракъ ты, дуракъ, и этого сдѣлать не можешь. Постереги бычка, я сама пойду нарублю,»—и ушла въ лѣсъ. Волкъ, какъ увидалъ, что Лиса далеко ушла, зарѣзалъ бычка-третьячка, выѣлъ у него въ серединѣ все мясо, шкуру набилъ соломой, наложилъ на чучело сбрую, а самъ убѣжалъ.

Вернулась Лиса съ деревомъ, какимъ нужно, сдѣлала санки. сѣла въ нихъ, машетъ кнутомъ и кричитъ:

Эхъ, бычекъ-третьячекъ!
Сани-то чужія,
Вожжи краденныя,
Хомутъ не свой...
Погоняй, не стой!

А бычекъ, соломенный бочекъ, стоитъ не шевелится. Лиса его кнутомъ; а потомъ, какъ разглядѣла волчью продѣлку. «Ну,—говоритъ,—сѣрый кумъ, ужъ я тебѣ эту насмѣшку отплачу съ лихвою.»